

АЛИСА

Мария Петрова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Петрова

Алиса

«Автор»

2026

Петрова М.

Алиса / М. Петрова — «Автор», 2026

Алисе скоро 18. А значит, пришло время воспользоваться привилегией исправить ошибки природы в своей внешности. Так делают все, кому повезло родиться в обеспеченной, обласканной властью семье. Но вместе с Алисой мы постепенно узнаем о том, какое уродство этого общества недалёкого будущего скрывается за идеальными фасадами.

Мария Петрова

Алиса

Алиса знала, что этот день наступит, но по старой детской привычке старалась не думать о нем: если изо всех сил зажмуриться, становишься невидимым.

– Алис, ты помнишь, что в среду мы идем на консультацию к Аркадию Борисовичу? Мать как обычно выдала свою собственную волю за коллегиальное решение.

– Как я могу помнить о том, чего не знаю? – буркнула Алиса.

– Начинается!.. Можно хотя бы один день прожить без твоего вечного недовольства? И так до коррекции остается всего ничего. А еще обследования надо успеть пройти.

Алиса дернула плечом.

– И не надо, пожалуйста, изображать страдальцу! Раньше начнем – раньше закончим. Когда увидишь результат, у тебя будет значительно меньше поводов говниться.

– Меня вполне устраивает моя внешность.

– Можно подумать, ты знаешь, как ты выглядишь на самом деле!

– Я что не могу в зеркало посмотреть?

Анна схватила двумя пальцами себя за переносицу.

– Алис, ты же не думаешь, что в зеркале ты видишь свое настоящее лицо?

Глаза девочки расширились, а пальцы инстинктивно схватились за щеки, словно удостоверясь, что они все еще на месте.

– Боже мой, за что только деньги платим! Вас там вообще что ли ничему не учат в этом вашем лицее?!

Анна плеснула еще вина в огромный, размером с половину ее головы, бокал и отпила. По тонкому стеклу поплыли багровые, похожие на венозную кровь, потеки.

– Доча, ну, мы же не в двадцатые годы живем! Во всех приличных местах – вроде нашего дома и твоего лица, нашего фитнес-клуба и торговых центров нормальных, я не знаю, ресторанов и тэ дэ и тэ пэ – давно стоят интерактивные зеркала. В них те же фильтры, которые встроены в любую камеру. Сейчас, наверное, уже даже население такими пользуется – это же теперь копеечная технология, не то, что двадцать лет назад. Так что, милая моя, у тебя нет ни идеальной кожи, ни тонкого носа, ни густых волос, как ты привыкла думать. Поэтому засунь себе, пожалуйста, в то место, о котором девочки вслух не говорят, свое «меня все устраивает», и в среду я тебя после третьего урока заберу.

– Я не поеду.

– Это кто так решил?

– Я!

– У тебя нос не дорос я-кать! Все, дочь, мне некогда, меня в «Ялте» уже ждут.

Дверь хлопнула. Алиса одна в огромной пустой квартире. От матери остался только шлейф духов да отпечаток губной помады на кромке бокала. Алиса подошла к барной стойке, налила немного вина, пригубила с неиспачканной стороны. Фу, кислятина! Как только люди это пьют? Хорошо, что мама не видит ее гримасы, опять завела бы свою песню про то, что Алиса – маленькая и ничего не сообщает. Достало уже слушать эти снисходительные речи. Теперь она прицепилась со своей коррекцией, как будто это не добровольная вещь, а обязательная. Ну, и что, что «в приличных семьях» так принято. Да это же полный бред! Все ее подружки – тоже из «приличных семей», но далеко не все согласны.

С сентября почти все разговоры в школе только и крутятся вокруг предстоящих коррекций, ведь в их лицее учатся исключительно девочки. Оливии, самой старшей из них, восемнадцать исполнилось в ноябре. Она исчезла на два месяца. Приближенные к королеве класса даже ходили навещать ее, когда Оливию выписали из медицинского центра. Следом две уче-

ницы поехали в Израиль. Еще одна собиралась в Майами. Большинству одноклассниц такая роскошь была не по карману, их ждали коррекции в отечественных клиниках.

Из двадцати девочек, с которыми Алиса училась вместе с первого класса, по-настоящему близка она была с тремя подружками. Они вчетвером договорились, что ни за что на свете не согласятся ложиться под нож. Но Милена все-таки пропала. В школе ее нет, телефон молчит уже две недели, в интернет она не заходит. Алиса зажмурилась и вспомнила последний день, когда она видела Милену.

Алисе нравилось бывать в гостях у Рубцовых. Ее отца, как и алисиного родителя, никогда не бывало дома, а тихая, интеллигентная миленикина мама по вечерам почти всегда пропадала в театре или в концертном зале, так что девочки были предоставлены сами себе. Вся комната подруги была завалена фотографиями Жаклин Кеннеди и Грейс Келли: на стенах, на полках, даже на изголовье кровати. С портретов смотрели яркие глаза на ловко посаженных головках в обрамлении туго завитых кудрей. Руки изящно сложены на бедре. Юбки ниже колена, подчеркнутая талия, идеальная осанка. Неомонархический шик проникал в головы Алисы и ее одноклассниц как газ, занимающий весь предоставленный объем.

Девочки сидели в этой кукольной комнате, потягивая уже пятый кувшин лимонада, который время от времени наполняла бесшумная, деликатная Юлия. Сама хозяйка сидела на низком широком подоконнике, разглядывая привычный вид Фрунзенской набережной. В свете фар вспыхивала и гасла лента темно-серого, мокрого от чахлого февральского снега, дорожного полотна. Билборд с рекламой службы по контракту подсвечивался в сумерках. Милене не нравился этот молодчик в камуфляже с каской, пришпиленной к голове подбородочным ремнем как младенческий чепчик. Солдатик был розовощекий, пышущий здоровьем, и автомат держал нежно, как любимую игрушку, но Милене все равно было противно на него смотреть. Надо будет пожаловаться папе. В прошлый раз напротив ее окна повесили рекламу протезов, отец поговорил с кем надо – и его единственной дочери больше не приходилось наблюдать это безобразие из своей комнаты.

Влада и София развалились на огромной кровати. На ней можно было поместиться как вдоль, так и поперек, что девочки и сделали. Они улеглись валиетом, подложив по паре подушек под головы и ноги. У Алисы на капроновом носке была дырка, через которую безобразно вылезал большой палец с кроваво-красным лаком на ногте. Поэтому она забилась в глубокое крутящееся кресло и подтянула колени к груди, прикрыв одной стопой другую.

– Я отцу так и сказала, что не буду делать никакую вшивую коррекцию. Мама все равно ничего не решает, так что я подала апелляцию сразу в высшую инстанцию, – хихикнула Милена.

– А он что? – спросила Алиса, не скрывая восхищения.

Папа Милены возглавлял какое-то из министерств. Вероятно, только три человека в стране могли общаться в таком тоне с Рубцовым-старшим: глава правительства, президент и его обожаемая дочурка.

– Ну, сначала, как водится, наорал. А потом спросил, почему я вдруг отказываюсь от этой так называемой, – Милена нарисовала пальцами кавычки, – привилегии девочки из хорошей семьи.

– А ты ему что? – Алиса заметила, что использует однообразные реплики, но досадливо отмахнулась от самой себя.

– Я ему заявила, что если моя внешность не удалась, винить в этом следует исключительно самого господина Рубцова. Ибо госпожа Рубцова, не к ночи будь помянута моя матушка, коронованная красавица: «Мисс Москвы» и «Краса России» чтоб-я-еще-помнила-какого-года, – Милена отбросила унаследованные от титулованной мамы густые каштановые волосы и комически изобразила «журнальную» улыбку. – Так что все косяки моей внешности я стопу-

дово унаследовала от него. Если его порода недостаточно хороша, пусть начнет с себя. А я не обязана расплачиваться за дрянные гены своим здоровьем.

Девочки с уважением посмотрели на подругу.

– Круто!

– Вот это ты его приложила! – с восторгом стукнула кулачком по кровати София.

– И что? – «Опять это «чтоканье!» – поморщилась внутренне Алиса и даже не заметила, как перестала прятать дырявый носок. – И как? Сработало?

– Не знаю. Но пока он отцепился от меня с выбором клиники. Надеюсь, насовсем.

– А мои вообще засомневались, надо ли делать мне коррекцию, – то ли с гордостью, то ли с обидой вставила Влада. – Они как Ульянку выдали замуж, от меня с этим вопросом отмотались. Вроде как, один успешный проект закрыли, и на младшую дочь можно забить...

Девочки посмотрели на нее со смесью зависти и сочувствия. Ни у одной из них не было братьев и сестер, только у Влады. И это при том, что, ее семья жила сравнительно скромно. У нее единственной из четырех закадычных подруг мать работала, и трудилась Елена Григорьевна не где-нибудь, а в министерстве образования. Поэтому для Влады нашлось местечко в их элитном лицее, куда был закрыт доступ простому люду. Ульяна была девушкой эффектной, так что ей повезло отделаться одной только ринопластикой перед тем, как выскочить замуж за весьма завидного кавалера.

Хлопнула входная дверь, Алиса вздрогнула и закрыла задвижку в ванной, где она разглядывала свое лицо, пытаясь подловить интерактивное зеркало на вранье. Мама разговаривала по телефону, перекрикивая помехи спутниковой связи. Бросив сумку и солнечные очки на белоснежный диван кухни-гостиной, Анна застучала своими острыми каблуками в направлении огромной барной стойки.

– Что значит, до конца месяца задержишься? Мне в среду Алису везти на консультацию, я с ней с ума сойду!

Достав из бара бутылку рома, Анна смешала его с лимонной газировкой, кивая в такт словам своего собеседника.

– В смысле, не захочет? Кто ж ее спрашивает-то?! Я просто тебе говорю, что устала от ее вечного нытья. Так бы у нас было хоть какое-то распределение ролей: ты – хороший полицейский, я – плохой, – Анна засмеялась собственной шутке. – Ладно, раз так, я одна разберусь. Ты мне лучше скажи, просить рассрочку, или сразу полностью заплатим?

Алиса прижалась горячим лбом к поверхности зеркала. Угораздило ее засесть в этом туалете, который ближе всего к гостиной! Теперь шансы проскользнуть незамеченной в свою комнату стремятся к нулю.

– Алис, ты почему еще не легла?

– Думаю.

– Над чем, позволь полюбопытствовать?

– Я Милене не могу дозвониться третью неделю. И в школе ее нет.

– И? Ты не можешь сложить два и два?

– Мам, ты не понимаешь! Она же сказала, что убедила отца: никакую коррекцию она делать не будет!

Анна с шумом отпила из высокого стакана самодельный коктейль и посмотрела на дочь, подняв бровь.

– Она сказала – а ты и поверила?

– А почему нет?

– Алис, – Анна присела на подлокотник дивана, – ей-богу, я думала, ты умнее. Но, выходит, что даже подружки твои оказались сообразительнее. У Милены, при всей моей к ней симпатии, дел непочатый край. Ты вообще видела ее нос? Это же уму непостижимо! А эти щеки,

которые со спины видно? Единственное, что я бы оставила на ее лице, – это губы. Тут снимаю шляпу, у меня на такие три миллилитра ушло. Так что если вы там что-то и придумали, то твоя подруга – к счастью – пришла в себя и отправилась на коррекцию. И тебе стоит последовать ее примеру, оставив свои детские фантазии. Все делают это. Заметь, я только в тридцать с хвостиком смогла привести себя в порядок, – Анна провела привычным жестом по идеальному, без единой морщинки, лбу, – А у твоего поколения есть возможность разделаться с этим вопросом уже в восемнадцать. Тебе надо не носом крутить, а принять это с благодарностью. Этот нос вообще пока не стоит слишком выпячивать. Ты его форму видела?

Алиса открыла рот, но мать тут же подняла руку в предупреждающем жесте.

– Нет, доченька! В том-то и дело, что не видела, и это мы с тобой обсудили. Естественность никого не украшает, не надо повторять эти бредни прошлого века. Этими словами утешает себя население. Еще бы! Они не могут позволить себе исправлять ошибки природы. А твои родители, слава богу, могут... Так что, пожалуйста, не донимай больше ни меня, ни – тем более – отца своими фантазиями. Он устает. Он много работает. Он каждый день на шаг ближе к инфаркту на своей должности. Не заставляй его думать, что он гробит свое здоровье ради неблагодарной дочери.

Анна поднялась с дивана и со стуком поставила стакан на каменную столешницу, давая понять, что дискуссия окончена.

Еще из машины Алиса увидела эти уродливые стеклянные высотки, похожие на поделки из детского конструктора: круглые, прямоугольные, квадратные башни. У их подножия суетились рабочие в оранжевых касках, деловито снуя по огороженной территории будущего здания. Они до того были похожи на муравьев, что Алиса представила, будто у каждого на спине – листик, палочка или веточка, которые они тащат в свой муравейник. «Только это не их муравейник», – поправила самое себя мысленно Алиса. – «А таких шишек, как Аркадий Борисович». Алиса запомнила имя врача, потому что все последние дни мама безостановочно пела ему дифирамбы. Уверяла, что расписание Аркадия Борисовича забито на много месяцев вперед. И вообще, если бы в сфере пластической хирургии вручали «Оскара», он каждый год уносил бы домой по десять статуэток.

Мать с дочерью опустили пластиковые карточки одноразовых пропусков в прорези турникета. Анна уверенно двинулась к нужному лифту и нажала кнопку шестнадцатого этажа. В кабине удушливо пахло тяжелыми сладкими духами. За стеклянными дверями клиники две девушки за стойкой ресепшн с идентичными лицами отрывисто поинтересовались «Чай? Кофе?» и предложили присесть. Алиса не знала, куда девать глаза от картины, висевшей над стойкой: призывно изогнутые женские тела, слегка прикрытые тоненькой органзой, – и уткнулась в электронную книгу. Через несколько минут из коридора выплыл крупный мужчина лет пятидесяти ростом не меньше ста девяноста сантиметров, в белом медицинском костюме. Смуглая кожа выдавала в нем выходца из какой-то кавказской республики. Идеально круглая, совершенно лысая голова казалась стерильной, как и аккуратно подстриженная седая борода.

Доктор расплылся в профессиональной улыбке при виде Анны, которая вскочила ему навстречу. Аркадий Борисович обнял ее как старую знакомую и держал в тисках своих ручищ добрых полминуты. Алиса продолжала сверлить невидящим взглядом электронную книгу и даже дышать старалась как можно тише. Но сделаться невидимой не удалось: врач подошел к ней, представился и протянул ей как взрослой свою широкую, короткопалую ладонь. Алису затошнило при виде жестких черных волосков на фалангах его пальцев.

– Пройдемте в кабинет, девушки, – ничуть не смутился Аркадий Борисович от того, что его рука повисла в воздухе.

Анна зарделась от этого обращения и зыркнула колючими глазами на дочь. Алиса с холодным комком в животе встала и поплелась вслед за матерью.

Против ожидания, Аркадий Борисович вовсе не начал рисовать пунктирные линии на ее лице. Вместо этого алисина физиономия возникла на огромном мониторе размером с полстены. Нормальное лицо: высокие скулы, губы вполне пристойного размера, аккуратный тонкий носик, широко распахнутые глаза необычного темно-синего оттенка, ровная линия роста волос над высоким, неожиданно чистым для девочки-подростка лбом. Алиса в очередной раз ощутила желание вскочить, заорать, что они дураки или слепые, если хотят ее перекроить, но мать, державшая ее за руку, до хруста сжала своими тощими пальцами ее запястье.

– Вот наш последний эскиз. К нему правок нет, верно? – врач сверкнул очками.

Анна подобострастно кивнула, словно боялась, что прославленный хирург откажется от слишком капризной клиентки.

– Теперь давайте посмотрим наш исходный материал, – очкастый доктор шелкнул пультом, и на изображении появился второй слой. Глаза уменьшились, скулы стали менее очерченными, нос – более широким. Волосы росли какой-то зигзагообразной линией вокруг покатоного лба. Картинки перетекали одна в другую несколько раз, пока не остановились на втором, менее лестном для Алисы варианте. Несколько секунд экран демонстрировал эту «ухудшенную» версию, в кабинете висела тишина, нарушаемая только гудением кондиционера и приглушенными звуками улицы за плотно зашторенным окном.

– Ну, как? Вопрос исчерпан? – спросил врач. – Да, Алиса?

– А? Что? – Алиса встрепенулась и перевела взгляд с экрана на доктора.

– Твоя мама рассказала мне об имеющихся сомнениях относительно целесообразности коррекции. И о том, что ты попала под влияние радикальных идей «принятия себя» – или как там это называется.

Алиса покосилась на мать: та сидела с идеально ровной спиной на краешке дивана как прилежная ученица на собеседовании с директором элитной школы.

– Конечно, ты не первая, кто пытается отказаться от коррекции. Некоторые действительно обходятся без нее, – доктор сжал губы в нитку, прикусив их с внутренней стороны. – В любом случае, перед процедурами тебя ждет серия бесед с психологом, – Аркадий Борисович закатил глаза, красноречиво выражая свое отношение к специалистам, которые лишь по недоразумению считаются его коллегами. – На подготовительный этап у нас есть три месяца, этого вполне достаточно. Но я настоятельно советую тебе не затягивать. Если не будешь маяться дурью, к концу лета сделаем из тебя картинку.

Аркадий Борисович распечатал пачку направлений на обследования, протянул Анне, потом встал и снова заключил ее в объятия на прощание, Алисе лишь сухо кивнул.

Алиса прибежала в кафе последней. Нужно было отнести школьному секретарю справки из клиники, объяснявшие ее многочисленные пропуски в последнее время. С первого взгляда было понятно, что атмосфера за столом накалилась: Влада ссутулилась и исподлобья смотрела на Софию, а та, напротив, с вызывающей надменностью задирала подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.